

Театр. Гастроли

ОДАРИВАТЬ ПЕШЕЙ...

Кончак, лунавый демон Мефистофель, бозумный Мельник... — колоритнейшие все фигуры, крупные страсти, характеры. Столь же колоритен и голос певца. И часто приходится слышать: «Пойдем на Линховойна...» (это значит: пойдем на «Русалку», «Фауста», «Севильского цирюльника»). А в жизни Линховойна прост: добродушно-усмешливое — вот уж

где нет и тени «демонических» страстей — лицо, прищур глаз... Такого его — скромного человека, талантливого певца и актера, сына своей Бурятии — мы и хотели бы представить сегодня читателю.
Итак, народный артист СССР, солист Бурятского театра оперы и балета Лхасаран Ладонович ЛИНХОВИИН.

— Мне хотелось бы начать разговор с одной встречи. Как-то после концерта в зале Ленинградской консерватории подошел ко мне старик лет семидесяти. «Вы в самом деле бурят?» — спрашивает удивленно. «Бурят, — говорю, — а что?» «Чтобы бурят исполнял Шуберта, Мусоргского, Чайковского — не поверю!..» Оказалось, человек этот ровно пятьдесят лет назад, в 1922 году, освобождал в частях народной армии Бурятию. Только-только отбили у белогвардейцев Верхнеудинск, и бурят-однополчан пригласил его к себе в юрту. Кругом нищета страшная, гостя нечем попотчевать, хотя известно: бурят последнюю рубаху готов снять с себя для друга. Только и смогли хозяева напоить русского бойца зеленым чаем... С тех пор, как видите, прошло немало лет, а старику не верится: как это бывшие кочевники, сплошь темные, привыкшие к нужде и притеснению, поют вдруг Шуберта? Ему не верится, а для меня это обыденность. И не только для меня. Помню, на вокзале (группа бурятских артистов приехала тогда на Декаду национального искусства и литературы в Москву) один господин из какого-то посольства все ахал, глядя на наших женщин: «Ах, ах, по три автомобиля на каждой!» На них же — меха редкостной красоты — баргузинский черный соболь, водится только у нас в Бурятии! И вот так во всем: не было ни одного завода — стало множество. Грамоты не знали — а сейчас сотни своих докторов и кандидатов наук; молодежь пошла донельзя разборчива: идти ли ей в кибернетики или петь в опере — еще подумает... Редкие металлы, золото, пушнина, лес, красавец Байкал — кто скажет сегодня, что мы бедны? Так могла преобразиться маленькая республика только в большом союзе братских народов.

О том же, как искусство стало национальным достоянием, скажу на близком мне примере. В 1940 году отец мой впервые пришел с матерью в оперу. Давали «Энхэ Булат-Батор». Придя домой, он долго сокрушался: «Все красиво, интересно, однако ничего не понял: музыка мешает, убирать ее надо. И потом: зачем говорить пением, когда и так сказать можно?» А сейчас отец — настоящий меломан: пять раз слушал только «Аиду». И вообще — народ у нас любит музыку. Когда в особенности идут спектакли на бурятском языке, в зале театра тесно. На передних рядах сидят старушки с трубками в зубах, смотрят, слушают и удовлетворенно цокают языками (хлопать в ладоши у них так и не вошло в обычай).

— Лхасаран Ладонович, расскажите, пожалуйста, подробней о себе, о своей певческой «карьере».

— В детстве у меня был тоненький, писклявый голосочек. Понятно, что с такими данными задумываться о певческой «карьере» мне просто не приходило в голову. И поскольку парень я был здоровый, то исправно дудел в школьном

духовом оркестре. К десятому классу у меня вдруг «прорезался» бас. Причем утром появлялся, а к обеду — снова писк. Через полгода голос окончательно определился: бас. Вот тогда-то и началось... Девчонки-одноклассницы потащили меня в Дом пионеров к руководителю детского хора Екатерине Васильевне Владимирской. Она долго слушала меня, после чего я оказался принятым в наш музыкально-драматический (тогда еще он не назывался оперным) театр. В хор. Вскоре стали доверять мне и крохотные партии. В одной из них — партии Ловчего в «Русалке» я произносил

оркестры. Мы хотели бы, чтоб все дети республики стали музыкально развитыми и образованными людьми. Многие из моих учеников, воспитанников училища, уже поют на сцене нашего оперного театра. Это знакомые владивостокцам по гастроллям народные артисты Бурятской АССР Николай Раднаев и Владимир Буроев, лауреат Всесоюзного конкурса вокалистов Ким Базарсадаев, Виктор Батуев и другие. Молодые много работают. Но труд этот тем и хорош, что он несет в себе радость.

НА СНИМКЕ: Л. ЛИНХОВИИН в партии Мельника из оперы Даргомыжского «Русалка».

всего одну фразу: «Ох уж эти мне мужья: ну что им дома не сидится!» — а дальше положение было с досадою плюнуть. В моем оперном репертуаре эта роль так шутиливо и числится: «ария с плевком». А дальше — вокальная студия в Москве, годы учебы в Ленинградской консерватории. С 1954 года я — солист Бурятского театра оперы и балета.

За это время мною спето около сорока различных партий. Пел у себя дома (я имею в виду Бурятию и другие города Союза) и за границей. Объяехал в общей сложности больше 30 стран. Ведущими были партии: Иван Сушанин, Борис Годунов, Кочубей, Мефистофель, Дон-Базилио, Князь Галицкий... Сейчас я готовлю партию Лепорелло в «Дон-Жуане» Моцарта.

— Кроме чисто исполнительской работы в театре, вы, очевидно, занимаетесь и педагогической деятельностью?

— Да, я преподаю по классу вокала в нашем музыкальном училище им. Чайковского. Кстати, не только я — все оперные артисты ведут в школах самодеятельные хоры, танцевальные, музыкальные кружки, духовые и струнные